

УДК 17.177

СОЦИАЛЬНЫЕ ФИГУРЫ ЗАВИСТИ

Э.М. Мамедова

ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь

Традиционно зависть исследуется в своих аксиологических коннотациях, однако сегодня она проблематизируется в первую очередь в своем социальном контексте. В статье показано, что появление такой социальной фигуры, как террорист с рессентиментным сознанием, демонстрирует социальную тенденцию к расширению содержания и форм зависти.

Ключевые слова: *зависть, террористический рессентимент, гедонизм, социальная справедливость.*

Зависть эволюционирует, в своих новых социальных «воплощениях» она предстает угрозой современности, что инициирует нахождение путей и способов самозащиты на уровне человека, личности, социума, а также требует социально-философского анализа её ближайших и отдаленных последствий для гуманистически-нравственной перспективы жизни человечества. Аргументируем свою позицию. Зависть обнаруживает себя в новых социальных фигурах. Среди них – фигура террориста. Следует согласиться с Ф.И. Гиренок, в том, что терроризм – это фундаментальная проблема, которая «еще никем не была помыслена. В ней, как в одной точке, сходятся четыре темы: смерти Бога, смерти человека, краха социального и защиты территории человеческого. В этой точке может завершиться история человека и начаться другая история — история постчеловека. Террористы считают, что от них зависит, будет эта возможность реализована или не будет» [1, с. 249]. Возьмём на себя смелость разглядеть террориста глазами зависти и рессентимента. Террорист как актуальная и социально «вызовная» фигура современности требует анализа всех составляющих этого феномена, в том числе так называемого террористического рессентимента.

Как известно, зависть предстает внешней, наблюдаемой формой рессентимента. Поскольку терроризм часто отождествляют с фундаментализмом, важно показать их различия. Сегодня терроризм неоправданно отождествляют с фундаментализмом, на что справедливо указывает левый философ Славой Жижек [2, с. 50]. Терроризм – это псевдофундаментализм, террорист – это псевдофундаменталист. Такое различие проходит по критерию зависти и рессентимента. Отсутствие рессентимента и зависти, глубокое безразличие к образу жизни неверующих различают настоящих, подлинных и псевдо-фундаменталистов, считает С. Жижек – авторитетный европейский специалист по проблемам взаимоотношений человека и социума и философ. Жижек пишет: «Если сегодняшние так называемые фундаменталисты действительно верят, что они нашли свой путь к Истине, почему они должны видеть угрозу со стороны неверующих, почему они должны завидовать им? Если буддист встретит западного гедониста, вряд

ли он станет осуждать его. Он только доброжелательно заметит, что стремление гедониста к счастью саморазрушительно. В отличие от настоящих фундаменталистов террористы-псевдофундаменталисты глубоко озабочены, заинтригованы и зачарованы греховной жизнью неверующих. Чувствуется, что в борьбе с греховным другим они борются со своими собственными соблазнами. Именно поэтому так называемые христианские или мусульманские фундаменталисты позорят подлинный фундаментализм» [2, с. 70].

Давая разъяснения такой аргументации находящейся в корреляционной связи зависти, идеи рессентимента, транслируемой на фигуру террориста, гедонизма и псевдофундаментализма, следует идентифицировать один из «кодов» зависти, а именно толкование зависти как неспособности наслаждаться объектом. Об этом размышляет Славой Жижек: «Так что же есть зависть? Вспомним августиновскую сцену с родными братьями, один из которых завидует другому, сосущему грудь матери: субъект не завидует тому, что Другой обладает ценным объектом как таковым, а тому, что Другой может наслаждаться этим объектом – поэтому для него недостаточно просто совершить кражу и тем самым завладеть объектом: его истинная цель состоит в том, чтобы лишить Другого способности/возможности наслаждаться объектом» [2, с. 78].

Здесь важно сопоставить явление гедонизма и зависти, которые предстают социально «видимыми» антиподами, а в действительности являются двумя деструктивными сторонами одного процесса деформации личности. Зависть конституируется как неспособность наслаждаться объектом (объектом желания). Субъект зависти завидует обладанию и/или *jouissance* Другого объектом (который идентифицируется как объект собственного желания). Из этого следует понимание онтологии зависти как интроверсии желания [3; 12]. Философская рефлексия различает желание как личностное качество в проекции «дефицитарности самости», как ориентир самополагания и самореализации. Желание порождает изменение и трансформацию личности. Дефицит желания свидетельствует о недостаточности самости человека, его «Я», личностной автономии. Зависть во множестве случаев влечет «грязные», деструктивные желания, т. е. «содержание» желания имеет негативную окраску, враждебность, злонамеренность, разрушительность и др. Можно утверждать, что единство и различие желания и зависти состоят в том, что желание предстает как недостаточность «Я» по отношению к себе, а зависть «идет дальше». Будучи недостаточностью «Я» по отношению к себе, она как бы переадресует свою дефицитность по отношению к Другому либо через механизм компенсации, либо через комплекс неполноценности, либо как стремление к превосходству и т. д. Справедливо, когда зависть приравнивают к утрате чувства собственного достоинства [4, с. 59–84]. Зависть – это неявное признание чувства собственной неполноценности по сравнению с Другим. В качестве такой «проекции» зависти можно сослаться на дефиницию зависти, приведенную Е.П. Ильиным в книге «Психология зависти, враждебности, тщеславия»: «Зависть – это отношение (острое – как эмоция или долговременное – как

чувство) к человеку, вызванное осознанием неосуществимости (вообще или в данный момент) желания иметь то же, что есть у другого человека, сопровождаемое разочарованием в своих достижениях вследствие своей несостоятельности, несовершенства» [5, с. 21].

Итак, зависть предстает как неспособность удовлетворяться или наслаждаться объектом желаний. Как экзистенциальное состояние зависть – это общая неудовлетворенность, невозможность реализации желаемого. Согласно доктрине гедонизма его императивом являются культ удовольствий, наслаждение жизнью, жизнь для себя, стремление к максимальному комфорту, эгоизм. «Дурная бесконечность» потребления свидетельствует лишь об импотентности, несостоятельности, неспособности наслаждаться объектами желаний. Современное общество потребления, взявшее в качестве жизненной стратегии гедонизм в XXI в., продуцировало гипергедонию как патологически повышенное стремление человека к удовольствиям, наслаждениям и развлечениям, что явно спровоцировало и новые патологические формы зависти, например террористический рессентимент. Как патологическую форму конфигуративной идентичности, соизмеряемой с подростковым возрастом, который еще не сопровождается принятием на себя ответственности, как патологическую социализацию и «недостаточность» самостности человека, что является одним из сущностных признаков зависти, различают гедонизм В.А. Емелин и А.Ш. Тхостов. Они объясняют: «Одним из вариантов такой идентичности можно считать гедонизм. С его стремлением ставить удовольствие настоящего над необходимостью отказываться от сиюминутных наслаждений ради неясного будущего или неинтересного прошлого. Такого рода идентификация была свойственна эпохе “хиппи” 60-х гг., суть мировоззрения которых сводилась к отрицанию буржуазных ценностей предыдущих эпох, отказу от их воспроизведения в будущем и фиксации на лакунарной форме идентификации в настоящем. Хиппи не хотели вписываться в современное общество, создавая себе в нем своеобразный изолят со своими ценностями и субкультурой, которая их вполне удовлетворяла. Подлинным переживанием объявлялось только непосредственно существующее, однако естественное течение времени привело к размыванию этой ценности. Психологическая ловушка конфигуративной идентичности заключается и в том, что она лишает человека одного из принципиальных стимулов его индивидуального развития: произвольной регуляции и отказа от сиюминутных удовольствий ради достижения перспективных целей. Произвольная регуляция имеет смысл, если существует представление о времени и жизненной перспективе» [6, с. 118].

Масштаб гедонистических устремлений современного общества, что поддерживается массовой культурой с её медиа-технологиями и гедонистически ориентированной рекламой, свидетельствует о масштабе процесса деформации личностного начала человека, о сужении горизонта личностного бытия, разрушении ценностной иерархии. Внешне наблюдаемая поляризация гедонизма в качестве максимизации принципа удовольствия и зависти как состояния неудовлетворенности обнаруживает то общее, что их объединяет. Это – деформация личности в сторону нарушения гармонии

индивидуализации и социализации, разрушения доверительных коммуникаций и общения с Другим. Данное обстоятельство наводит на мысль о том, что и нарастающая завистливость становится ведущей ценностной ориентацией в первую очередь молодежи.

Краткий сопоставительный анализ зависти как интроверсии желания и гедонизма позволяет понять, почему С. Жижек сомневается одновременно в «искренности» как фундаменталистов, так и псевдофундаменталистов, заявляет об их «перекодировании», обвиняет их в обмане и самообмане. Объяснения этого лежат «на поверхности». Перманентные вспышки насилия в глобальном пространстве социальной жизни со стороны террористов, идентифицирующих себя фундаменталистами, являются социальными фактами их «ценностного» обмана. Обман и самообман фундаменталистов-террористов состоит в том, что они «пронизаны» ценностями наступающей глобальной потребительской цивилизации, которая «подорвала» их веру в собственное превосходство и желание оградить свою культурно-религиозную идентичность. Исследователь современных идеологий – левый философ – так обозначает проблему фундаментализма: «Проблема фундаменталистов не в том, что мы считаем их хуже себя, а скорее в том, что они сами втайне считают себя хуже нас. Именно поэтому наши снисходительные политкорректные заверения, что мы не считаем, что они хуже нас, только вызывают у них ещё большую ярость и подписывают их рессентимент. Проблема не в культурном различии (их попытках сохранить свою идентичность), а совсем наоборот – в том, что фундаменталисты уже похожи на нас, что они в глубине души уже усвоили наши стандарты и оценивают себя по ним» [2, с. 70].

Фигура террориста с рессентиментным сознанием не исчерпывает всего многообразия обликов рессентимента. Внешними его составляющими являются зависть, ненависть, озлобленность, мстительность, которые в их комбинации провоцируют и другие негативные состояния. Рессентиментный терроризм сопровождается как частными и коллективными конфликтами, так и массовым террором, геополитической враждой. Идеология терпимости, толерантности, «коварно» провоцирует рессентимент как латентное явление. Рессентимент имеет свои невербализованные проявления, о которых размышляет И.О. Чугунова: «Это и те невербализованные, но запечатлённые в масс-культуре идеалы, к которым тянется поколение за поколением: обывательское стремление к благополучию, мечта о превосходстве, равно как и страх остаться “на обочине”. Да и сам образ общественной массы с её конформизмом, идеей равенства и стремлением стандартизировать человеческую жизнь, – есть отражение рессентимента, наиболее приближенное к его сути» [7, с. 138].

Рессентимент сегодня – это глобальное явление. Он непросто сопровождает современность, а форсажно размножается в нём, поскольку находит благодатную почву в современном социальном порядке. Речь идет о власти как господстве и подчинении, о рыночном соперничестве, о дурной бесконечности потребления, о массовости и стереотипизации образов жизни, о тотальной манипуляции общественным сознанием и т. д. Соци-

альная опасность «размножения» идеи рессентимента заключается в том, что она имеет скрытые, завуалированные, закамуфлированные формы выражения социальных интересов и индивидуальных «претензий». В российском менталитете есть свои лакуны рессентимента. Это подверженность массовому манипулированию, что свидетельствует о таких состояниях, как неуверенность в себе, податливость, ущемленность, невостробованность, уничиженность и т. д.

Актуализируем комплементарный смысл зависти и рессентимента. В работе «К генеалогии морали» Ф. Ницше вводится понятие «рессентимент» для различения антитезы «добро — зло», «хорошее — плохое» и в связи с двумя фундаментальными типами морали — морали господ и морали рабов. Ницше различает мораль «рабскую», плебейскую, лживую и мораль «господ» как «надморальную» или «трансцендентную» мораль. Рессентимент — это эссенция морали рабов [8]. В аксиологическом измерении как процесс дезориентации ценностного сознания, направленности на низменные ценности, как психологическое самоотравление, как негативные эмоции злости, зависти, мести истолковывает рессентимент философ. Сегодня в социальной жизни понятие «рессентимент» не только не исчерпало свой объяснительный потенциал, а феноменально демонстрирует универсальность этого явления, его расширяющийся смысл.

М. Шелер, принявший идею рессентимента Ницше, которая имела свой объяснительный и разоблачительный потенциал, применил её к проблеме «переворота в ценностях». Если транслировать этот «ценностный переворот» на современные социальные реалии, то можно подтвердить, что общество потребления ориентируется на систему фальшивых, неподлинных ценностей. Нынешнее общество с его рыночной экономикой укоренено в нездоровую конкуренцию. Она ориентирует в первую очередь молодежь на завистливость, подражательство, приспособленчество, конформизм, что инициирует формирование рессентиментного сознания. «Оранжевые» революции последних десятилетий показывают, как сформированные в общественном сознании злость, ненависть и другие негативные реакции на представителей определенных социальных групп, общностей могут перерасти в межклассовую, межэтническую ненависть, приводящую к тотальным разрушениям.

Как «самоотравление души», как слабый тип личности, который исповедует неподлинные ценности и зло, обесценивает бытие и искажает картину мира, характеризует рессентимент М. Шелер [9, с. 60]. В психологической проекции поведенческим маркером рессентимента является интенция казаться лучше, чем «данность», чем есть на самом деле, демонстрация себя как лучшего по отношению к другому. М. Шелер указал на этот защитный механизм компенсации «я всё равно лучше тебя», который прикрывает чувство собственного бессилия и слабости. В современной психологической практике в связи с анализом механизма компенсации как прикрытием рессентимента и зависти учат отличать рессентиментную и здоровую конкуренции. Рессентиментная конкуренция построена на страхе быть

хуже другого. Здоровая конкуренция строится на признании и уважении конкурента.

Сегодня в идеи рессентимента «заложено» множество антропологических и социокультурных явлений, которые высвечивают в призме общественных моральных запретов и табу «черные», аморальные грани человеческой природы. Эти явления наличествуют в обществе в форме зависти, ненависти, враждебности, мстительности, соперничества, предательства, подозрительности, недоверия, конформизма и других негативных чувств и поведенческих установок. В российских реалиях рессентимент имеет свои особые стороны проявления. Так, подражательство Западу, о котором пишут многие социальные мыслители, остаётся ярким фактом торжества рессентимента в общественном менталитете россиян, в том числе российской элиты. Догоняющая психология, догоняющая модернизация, технологическая периферия остаются составляющими внешнеполитического тезиса России. Хотя в последние годы такой ситуации есть что противопоставить. Например, в рамках Агенства стратегических инициатив (АСИ) создан проект «Национальная технологическая инициатива», призванный прогнозировать передовые решения, которые потребуются для обеспечения национальной безопасности, качества жизни россиян и развития отраслей нового технологического уклада.

Как известно, социально-экономический кризис, в котором в последние годы оказалась Россия, обостряет напряженность между людьми, гражданами, внутри и между отдельными социальными группами и вызывает конфликтные настроения. Непризнание со стороны институциональных субъектов рождает чувство беспомощности, бессилия и зависти у человека, что является благодатной почвой для массового манипулирования общественным и индивидуальным сознанием, подпитывает «рессентиментские» настроения, возбуждает эгалитаристские «провокации». Ещё Ф. Ницше в концепции рессентимента идею эгалитаризма рассматривал как идеалистическую проекцию, нереализуемый идеал, рессентиментную попытку уравнивать неравное «по определению».

Согласно М. Шелеру, рессентимент наличествует там, где в социальном порядке закрепляется, легитимируется социальная разноравность (структурная иерархия) и где нет места сравнению аристократов и рабов. Способ самоутверждения «раба» (сегодня это человек «массы») – в самоотрицании, во внешнем, в социальном равенстве, т. е. существование и идентификация с помощью и через Другого, в котором он находит опору. Массовый человек в отсутствие внутренних, собственных ориентиров в угоду зависти формирует массовое общество конформистов. Параллельно этот массовый человек имагинирует образ «врага».

Зависть поэтому есть реакция на неравенство, желание справедливости только по отношению к себе. Социальное неравенство, наличествующее в обществе, провоцирует и поддерживает зависть и рессентиментное сознание. Идея справедливости требует философской рефлексии, так как постоянно меняет свои коннотации. Нельзя опровергнуть понимание

справедливости как принципа социальной жизни, который поддерживает существующий порядок. Представления и оценка социальной справедливости/несправедливости в массовом сознании влияют на развитие социальных отношений. Этико-правовой дискурс рассматривает справедливость как «сущее и должное», как реалии социальных отношений и как абстрактную нравственную идею в призме распределения с соответствующими наградами и наказаниями.

В целях изучения тенденций зависти и рессентиментного сознания россиян необходимо их сопоставить с динамикой общественного мнения по проблеме социальной справедливости. Российский дискурс справедливости называет причины высокой чувствительности к проблеме справедливости. Среди них трагический разрыв между богатыми и бедными, который исходит из сложившегося олигархического режима за годы либеральных реформ, из российского варианта приватизации. Появление новых видов неравенств в России инициировало новые принципы распределения социальных благ и ресурсов. Как показали социологические исследования в 2013 г., разрыв между доходами богатых и бедных продолжал увеличиваться, в 2016 г. – более чем в 16 раз. На фоне мировых стран Россия лидирует по социальному неравенству среди всех крупных государств мира. Сотня самых богатых россиян контролирует 30 % богатства страны, в то время как на долю 10 % самых бедных не приходится и 2 % [10].

Очевидно, что в российском обществе нарушаются нормы, которые регулируют обмен между социальными субъектами. Следствием такого социального факта является невозможность для большинства населения страны влиять на принятие политических и социально-экономических решений. Разбогатевшую элиту характеризуют такие качества, как безразличие, социальная безответственность, стяжательство любой ценой. На примере благотворительности, о которой в российских реалиях можно говорить как о единичных актах, доказывается редуцированность у отечественной элиты ценностей от благородства до жадности, скупости, зависти. О безмерной жадности, отсутствии экономической рациональности, о богатом россияnine как негативном, безразличном к коллективным ценностям индивиде, что свидетельствует об отсутствии либеральной справедливости и присутствии капиталистической модели хозяйства с архаическими формами обогащения, пишет академик Ж.Т. Тощенко (см.: [11, с. 60]).

Данная социологами характеристика проблемы социальной справедливости в современной России подтверждает доксу о том, что социальная почва, наличный социальный порядок служат обновлению рессентимента. Нет оснований утверждать, что в отечественных социальных реалиях есть компенсаторный механизм, нейтрализующий рессентимент.

Список литературы

1. Гиренок Ф.И. Фуко и терроризм // Философия хозяйства: альманах Центра общ. наук и эконом. ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова. 2016. №3. С. 246–250.

2. Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010. 184 с.
3. Смирнов И. О социальных эмоциях: зависть и страх перед жизнью. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2012/2/s16.html> (дата обращения: 13.09.2015).
4. Вызовы современности: социальное знание и ценностные императивы: коллективная монография / под ред. Э.Ю. Майковой. Тверь: Твер. гос. техн. ун-т, 2016. 164 с.
5. Ильин Е.П. Психология зависти, враждебности, тщеславия. СПб.: Питер, 2014. 208 с.
6. Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Соблазны и ловушки темпоральной идентичности // Вопросы философии. 2016. № 8. С.115–125.
7. Чугунова И.О. Концепт рессентимента как инструмент философско-антропологического познания // Философская мысль. 2016. № 2. DOI: 10.7256/2409-8728.2016.2.17914. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_17914.html (дата обращения: 13.09.2015).
8. Ницше Ф. К генеалогии морали: Полемическое сочинение / пер. К. А. Свасьян // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 407–524.
9. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей / пер. с нем. А.Н. Малинкина. СПб.: Наука: Универ. книга, 1999. 231 с.
10. Гробарь Я. Богач–бедняк: мир оказался несправедлив [Электронный ресурс] // РБК. Экономика. URL: www.top.rbc.ru/economics/17/07/2013/866357.shtml (дата обращения: 03.09.2015).
11. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.
12. Мальцева А.П. Философия желания. Ульяновск: Ульян.ПГУ, 2003. 255 с.

SOCIAL REPRESENTATIONS OF ENVY

E.M. Mamedova

Tver State Technical University, Tver

Traditionally envy is studied in its axiological connotations, but it is problematically reconsidered today primarily in its social context. The article reveals that the emergence of a terrorist as an actor marked by social resentment consciousness demonstrates the tendency of form and content of envy expansion.

Keywords: envy, terrorism resentment, hedonism, social justice.

Об авторе:

МАМЕДОВА Эльмира Мамедовна – аспирант кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: pif1997@mail.ru

Author information:

MAMEDOVA Elmira Mamedovna – Ph.D. student of Psychology and Philosophy Dept. of the Tver State Technical University, Tver. E-mail: pif1997@mail.ru